

ВНУК ДОСТОЕВСКОГО

Осенью 1960 г. крупнейший наш достоевист Аркадий Семенович Долинин, у которого я учился в Ленинградском Педагогическом институте им. А. И. Герцена, видя мое увлечение Достоевским, направил меня к внуку писателя, Андрею Федоровичу Достоевскому.

Имя Андрея Федоровича впервые упоминается в печати в 1911 г., когда ему было три года. 27 января 1911 г. в газете «Биржевые ведомости» литератор Ад. Г. Шиле поделилась своими впечатлениями о недавней встрече с вдовой писателя А.Г. Достоевской: «В заключении нашей беседы Анна Григорьевна мне рассказала, по ее мнению, знаменательный факт: в день кончины Федора Михайловича, 28 января, т. е. в то самое число, через 27 лет, родился у нее внук, названный Андреем в память младшего брата Федора Михайловича, и, начиная с нее самой, все в семье уверены, что в этого ребенка переселилась душа его деда.

По рассказам, это удивительный мальчик. 28 января ему минет 3 года, а он рассуждает как взрослый...

Не проходит дня, чтобы Андрюша не проявил себя чем-нибудь особенным. При этом он страшно впечатлителен, экспансивный и сострадательный: не может видеть, если кто-нибудь из домашних в горе, старается все сделать, чтобы утешить...»

...Вспоминаю тот день, когда я первый раз поехал к внуку Достоевского на Наличную улицу в Ленинграде. Страшно волновался: единственный внук Достоевского! Но волновался я зря. Андрей Федорович оказался приветлив и доброжелателен ко всем, кто интересуется Достоевским. Много было в нем черт, унаследованных от деда: и бескорыстие, и какая-то стремительность во всем, и чувство долга, и преданность своим друзьям. Но главное, Андрей Федорович был живым человеком со всеми присущими живому человеку, порой парадоксальными

чертами характера.

В однокомнатной квартире на Наличной (тогда это был новый район Ленинграда) Андрей Федорович поселился сравнительно недавно. До этого он жил в центре Ленинграда в многонаселенной коммунальной квартире, типично петербургской, со всеми ее неудобствами, так хорошо знакомыми старым петербуржцам. Правда, известный достоевковед Л. П. Гроссман написал, что Андрей Федорович живет в отдельной квартире и, очевидно, властям стало стыдно, ведь к нему зачастили иностранцы, и именно тогда Андрею Федоровичу предоставили отдельную квартиру.

Я стал бывать у него почти каждый день, мы очень сблизились, я старался записывать все, что он рассказывал о своем роде, внимательно наблюдал за ним, пытаюсь понять, что перешло к нему от деда. Однажды мы хоронили преподавательницу английского языка Фредерику Яковлевну Цырлину. Это была удивительная по своей скромности и честности женщина, отличный знаток Достоевского, необычайно преданный его имени человек. Но она была одинока, совершенно беспомощна и непрактична в житейских делах. Надо было видеть, как трогательно о ней заботился Андрей Федорович.

Несколько близких друзей Ф. Я. Цырлиной (В. И. Балинская, А. В. Ширяева, В. Н. Кожевникова), в том числе и мы с Андреем Федоровичем, выполнили ее последнюю волю — она просила похоронить ее по церковному обряду (она давно крестилась, шаг этот не в последнюю очередь был продиктован любовью к Достоевскому). И вот, когда ее отпевали, я обратил внимание, что Андрей Федорович стоял у входа в церковь, но в храм ни разу не вошел. Меня это поразило, и я тут же прямо спросил об этом его. И он мне также прямо ответил: «Я столько раз был на волосок от

смерти во время войны и столько раз видел смерть других людей, что не могу верить в божественное устройство этого мира». И я сразу вспомнил Ивана Карамазова, отказывающегося принять миропорядок, при котором страдают и гибнут дети...

Однажды я попросил Андрея Федоровича продиктовать мне все, что связано в его памяти с именами великого писателя и А. Г. Достоевской. Андрей родился в 1908 г.— за десять лет до смерти своей знаменитой бабушки Анны Григорьевны Достоевской. Естественно, он сохранил в памяти многое, связанное с именем этой замечательной женщины.

Андрей Федорович не был просто хранителем всего, связанного с Достоевским и его наследием. Стоит только взглянуть на географию деятельности Андрея Федоровича, чтобы понять, как огромна была помощь совершенно бескорыстно оказываемая им всем, кто интересовался жизнью и творчеством его предка. Далекое село Достоево, откуда берет начало род писателя (один из давних предков — Федор Достоевский — служил при князе Андрее Курбском, отсюда семейная традиция давать отпрыскам мужского пола имя Андрей), Старая Русса, Семипалатинск, — здесь при самом активном участии и помощи Андрея Федоровича создают музеи писателя, Таллин, Париж, Лондон, Варшава, София, небольшой украинский город Крыжополь, где ученики одной из школ решили создать уголок Достоевского, — все обращались к Андрею Федоровичу за советом. И он никогда никому не отказывал. Безотказностью внук тоже пошел в деда.

Хорошо помню, как нередко Андрей Федорович буквально с ног валился от усталости, но продолжал активно участвовать во всем, что так или иначе было связано с именем писателя. И это были не просто встречи и беседы с почитателями таланта Достоевского. Приведу простой пример. Когда в 1965 г. я отдыхал с женой в Ялте, Андрей Федорович прямо засыпал нас телеграммами с просьбой узнать, в каком состоянии находится могила Анны Григорьевны (она умерла в Ялте в 1918

году), кто заботится о ней, нельзя ли сделать подобающую надпись на памятнике... Местные почитатели Достоевского инженер Г. Сошин и книговед А. Анушкин показали мне на Аутском кладбище могилу Анны Григорьевны. Могила эта стараниями краеведов содержалась в хорошем состоянии. Я известил об этом Андрея Федоровича.

Вот одно из писем Андрея Федоровича ко мне в Ялту: «...Завтра буду в Обкоме КПСС у “самого” начальника по культуре — по поводу Музея [Достоевского]... К сожалению, в Москве — кругом в отпуске. Может послать письмо на имя Леонова (домой), — с просьбой, может сам что предпримет и перепасует Федину, когда удобно, чтоб на Правление? Жду Вас (или Вашего мнения). Жаль, теряется время... Спасибо за Анну Григорьевну. Посетили ли “достоевские” городские пути? Сходите и отметьте — приведена ли в порядок ул. Достоевского... Там был проект, сам видел. Сошин в курсе...»

А как Андрей Федорович радовался, узнав, что крупнейшие писатели Ленинграда поддержали нашу идею о создании в Ленинграде и Старой Руссе музеев-квартир Достоевского, как ходил неугомонно вместе с нами (я имею в виду таких преданных Достоевскому людей, как архитектор Г. Пионтек и математик А. Бурмистров) по ленинградским квартирам и магазинам в поисках подходящей мебели для будущих музеев, как активно начал разработку экспозиции этих музеев задолго до их открытия!

Сейчас даже трудно представить себе, как мог один человек сделать так много! (Колоссальной работоспособностью Андрей Федорович тоже пошел в деда). Он был консультантом трех фильмов о Петербурге Достоевского, которые сняли ленинградское и западногерманское телевидение, а также ленинградская студия научно-популярных фильмов. Он безотказно по первой просьбе высылал книги о жизни и творчестве писателя, водил всех желающих по петербургским местам Достоевского, выступал с лекциями и публиковал статьи в

периодической печати.

Помню, как 3 апреля 1963 года, в день столетия со дня рождения племянника писателя, многолетнего секретаря Русского Географического общества Андрея Андреевича Достоевского, он повез меня на Смоленское кладбище, чтобы почтить память умершего.

В конце 1920-х гг. А. А. Достоевский работал ученым секретарем Пушкинского дома. В ноябре 1930 г. его арестовали по делу академика С. Ф. Платонова, тогдашнего директора Пушкинского дома, обвиненного нелепо в монархизме (это было началом нового удара по интеллигенции). Под Новый, 1931 год, шестидесятисемилетний Андрей Андреевич был отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала. Что входило в его обязанности? По пояс в снегу он протапывал путь к деревьям, которые валили лесорубы, а потом очищал деревья от снега.

В это время Андрей Федорович, служивший тогда в Ленинграде в Институте путей сообщения, будучи абсолютно убежденным в невинности Андрея Андреевича, решил драться за него. 10 февраля 1931 г. ему удалось попасть на прием к А. В. Луначарскому, который приехал в Ленинград по случаю 50-летия со дня смерти Достоевского. Сказав ожидавшим приема академику-филологу Н. С. Державину и Вл. И. Немировичу-Данченко, что «речь идет о жизни человека», Андрей Федорович вошел в кабинет. Когда он объяснил все Луначарскому, бывшему тогда председателем Ученого комитета при ЦИК СССР, Анатолий Васильевич сказал, что сам он сделать ничего не может, но доложит «всесоюзному старосте» М. И. Калинину: он единственный вправе потребовать нового расследования.

Луначарский выполнил свое обещание, и неожиданно, накануне 1 мая 1931 г., Андрей Андреевич явился домой в Ленинград в арестантской одежде, с посошком, которым его благословили арестанты.

В 1963 г. мы вместе с Андреем Федоровичем разработали маршрут пешеходной экскурсии «Петербург

Достоевского». Как всегда, внук писателя был скрупулезен и точен: он раз двадцать пересчитал те 730 шагов, которые (как сказано в романе) Раскольникову потребовалось пройти от своего дома до дома старухи-процентщицы, пока не убедился, что количество шагов совпадает с числом, указанным в романе.

Петербург Достоевского Андрей Федорович знал великолепно. Я наблюдал, как в 1966 году он вместе с Д. А. Граниным помогал съемочной группе западно-германского телевидения, снимавшей фильм «Достоевский и Петербург» по сценарию Генриха Белля. Я был свидетелем, с каким уважением относились к Андрею Федоровичу Генрих Белль, Д. А. Гранин, известный американский драматург Артур Миллер. Своей преданностью имени Достоевского он заслужил также любовь Л. М. Леонова, К. М. Симонова, В. Г. Лидина и других писателей.

Несомненно, внук писателя был литературно одаренной натурой. Достаточно прочитать талантливые очерки самого Андрея Федоровича в журнале «Нева», в «Литературной газете», дабы убедиться в этом. Недаром в молодости он увлекался литературой и состоял в Ростовской ассоциации пролетарских писателей, где познакомился с Михаилом Шолоховым. По специальности он был инженером-конструктором, воспитанником Ленинградского Политехнического института (правда, Андрей Федорович с горечью вспоминал, как в 1920-е годы его не приняли в Ростовский Политехнический институт только по той причине, что его дед происходил из дворян; и лишь после письма внука Достоевского А. В. Луначарскому его приняли в Политехнический институт в Ленинграде). Но, будучи инженером-конструктором, Андрей Федорович знал биографию своего деда не хуже профессионального литературоведа. В этом можно убедиться, взяв в руки книгу-альбом «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах» (М., 1972), в составлении которой наряду с известными достоевковедами участвовал и

А. Ф. Достоевский, вложивший в эту последнюю свою работу много сил и труда.

Однако все те, кому самоотверженно и неустанно помогал Андрей Федорович последние годы своей жизни, и не подозревали, что в 1954 г. прямо на лекции в машиностроительном техникуме, где он преподавал тогда, его разбил паралич: дали себя знать полученные на фронте многочисленные ранения. Студенты любили Андрея Федоровича, некоторые из них постоянно дежурили в больнице. Собственно, студенты и подняли Андрея Федоровича на ноги.

В 1981 г., в столетие со дня смерти Достоевского, для программы «Монитор» ленинградского телевидения мы делали передачу о старом петербургском доме купца Алонкина (на углу Казначейской ул. и Столярного переулка), где Достоевский написал романы «Игрок» и «Преступление и наказание» и куда в октябре 1866 г. пришла к нему молоденькая стенографистка Неточка Сниткина, его будущая жена. И вот, когда мы снимали этот дом и я рассказывал телезрителям, чем он примечателен, ко мне обратился стоявший поблизости пожилой человек: «А вы знаете, я хорошо помню внука писателя, Андрея Федоровича Достоевского. Мы вместе воевали». На мой вопрос о том, что наиболее запомнилось ему из общения с Андреем Федоровичем в военное время, старый солдат ответил: «У него всю войну в чемодане хранился небольшой бюст Достоевского, и он никогда с ним не расставался». (Если уж зашла речь о «достоевских» реалиях, замечу, кстати, что целый ряд личных вещей Достоевского Андрей Федорович передал в Музей-квартиру писателя в Москве.)

Андрей Федорович ушел на фронт в июле 1941 г. Начав свою боевую службу солдатом-мотоциклистом разведки и связи, воевавший на шести фронтах Великой Отечественной, в том числе и на знаменитом пятачке ленинградской Невской Дубровки, он закончил ее на полях Манчжурии в должности инженер-майора. Как говорил мне сам Андрей Федорович, «воевал он честно, но с кадровиками цапался», поэтому

понижался в звании, а по-настоящему ощутил себя человеком только тогда, когда попал в стрелковую дивизию, в разведку.

9 июня 1968 г., в день 50-летия со дня смерти Анны Григорьевны, Андрей Федорович, благодаря содействию Союза Писателей (особенно Л. М. Леонова и В. Г. Лидина), выполнил последнее желание покойной: перенес ее прах из Ялты в Ленинград в Александро-Невскую лавру, где погребен Ф. М. Достоевский.

В конце июля 1968 г., уже совсем больным, Андрей Федорович едет на празднование 250-летия Семипалатинска, помочь организовать там Музей-квартиру Ф. М. Достоевского, встречается там с будущим директором этого музея, бескорыстной почитательницей писателя З. Г. Фурцевой, на обратном пути заезжает в Омск, хлопочет и там о создании мемориального музея. Он спешит все сделать, словно чувствуя, что жить ему осталось месяц.

Случилось так, что мне пришлось провожать Андрея Федоровича в последний путь: ночью везти гроб с его телом в Москву в крематорий (он завещал, чтобы его сожгли, а в Ленинграде тогда крематория еще не было). Конечно, мне никогда не забыть этой поездки.

...Когда будете в Петербурге в Александро-Невской лавре на могиле Ф. М. Достоевского, обратите внимание на две надписи с правой стороны надгробия: «Анна Григорьевна Достоевская. 1846 – 1918. Андрей Федорович Достоевский. 1908 – 1968». Андрей Федорович погребен вместе с дедом и бабкой, для увековечения памяти которых он так много сделал. Однако ленинградские власти полгода не давали разрешения на захоронение урны с прахом Андрея Федоровича в лавре, и все это время она стояла дома у вдовы внука писателя. И только благодаря энергичному вмешательству Л. М. Леонова (помогал также и Д. А. Гранин) урну наконец захоронили.

Л. М. Леонов, с которым мы сблизились позже, когда я писал книгу о его тесте, издатель М. В. Сабашникове, прислал мне в 1968 г. такое письмо по поводу захоронения

урны с прахом Андрея Федоровича: «Мне пришлось трижды говорить по этому поводу со “значительными” товарищами. Конечно и речи не может быть о каком-либо моем участии в приближающемся юбилее Достоевского. Если мой доклад о Горьком, как стало известно теперь, вызвал неудовольствие в известных кругах, то легко представить себе похмельные переживания и наружный вид докладчика на другое утро после его выступления на торжественном заседании памяти Ф. М.! А по поводу Достоевского приличному человеку никак нельзя умолчать о самом главном и всеми нами усердно подразумеваемом».

В другом письме Л. М. Леонов снова рассказывает о своих попытках добиться разрешения на захоронение урны с прахом внука Достоевского в Александро-Невской

лавре: «...В книге Волоцкого “Род Достоевских” я нашел „родословное дерево”, где покойный Андрей Федорович обозначен прямым внуком Федора Михайловича. Сегодня я был в Совете Министров РСФСР, откуда последовало два немедленных звонка в Ленинград, но, к сожалению, никого нельзя было застать на месте. Эти авторитетные “звонки” будут повторены, и я надеюсь, что справедливость в отношении этого хорошего человека будет соблюдена. Но какой позор, что в отделе культуры бывшего Петербурга, где жил, работал и умер великий русский писатель, даже не подозревают, что у него были родные дети!»

Встречи с Андреем Федоровичем Достоевским — одна из самых памятных страниц в моей жизни.